

ском собрании он читал свое похвальное стихотворение «Die Gekrönte Hoffnung», изданное тогда же в переводе Ломоносова.⁸⁶ Знаменательно, что это стихотворение, на которое Юнкер возлагал, очевидно, большие надежды, написано в форме лобгедихте, а не оды, оставшейся, вероятно, в его восприятии более литературным, чем официальным жанром. По-видимому, до конца своих дней (он умер 11 ноября 1746 года в Петербурге) Юнкер продолжает быть неофициально связанным с Академией. В 1743 году его просили подготовить надписи для украшения нового конференц-зала Академии наук.⁸⁷ И это последнее известие о Юнкере.

Необычная и оставшаяся полузабытой в истории русской литературы поэтическая судьба Юнкера предоставляет богатый материал для размышлений о характере литературных взаимосвязей и роли случайного и не случайного в их установлении. Даровитый поэт, вытесненный из своего окружения нуждой и литературной борьбой, оказался в Петербурге совершенно случайно. И здесь из всего спектра его литературных возможностей, знаний и умений было воспринято только и именно то, что было актуальным в данный момент для развития русской поэзии и культуры. И это оказалось вовсе не тем, чем Юнкер превосходил своих товарищей по Немецкому обществу. Его искусство в жанрах легкой поэзии и в поэтическом переводе, которым он мог гордиться, здесь постепенно ветшало (о чем говорится в послании Кёнигу). Разного рода стихи, сочиняемые Юнкером в большом числе по заказу академиков, были, вероятно, ниже его возможностей и носили узко корпоративный характер. Не представляли здесь также интереса и теоретические взгляды Юнкера на проблемы нового стиля немецкой поэзии. Вместе с тем то, чем он владел как обычный представитель литературной культуры придворной школы — составление проектов, — получило поддержку и повлияло на развитие русской государственной придворной культуры, а то, к чему он был причастен как член Немецкого общества — новая немецкая классицистическая ода, — повлияло на дальнейшее развитие русской лирики. Однако дарование Юнкера, лишь в незначительной, по-видимому, степени востребованное в Петербурге, не могло не оказывать свое магнетическое действие, необходимое для всякого влияния.

Сложись поэтическая судьба Юнкера более счастливо, в 1730-х или 1740-х годах в Лейпциге был бы издан том с гравированным его портретом, стихотворной к нему надписью и объяснением к ней, с обстоятельной его биографией, лестной и чувствительной. В конце XIX—начале XX века какой-нибудь молодой ученый издал бы в Лейпциге или Берлине о нем диссертацию, и его имя знатокам немецкой поэзии говорило бы о том, что Юнкер был в числе восьми или десяти поэтов немецкого классицизма, забытых с приходом в поэзию Ф. Г. Клопштока. Разорвав свой творческий путь отъездом в Россию, Юнкер лишил себя портрета, сборника стихов, обстоятельной биографии, но оказал неоценимую услугу русской поэзии и культуре, став единственным в своем роде провозвестником новой европейской поэзии в России.

⁸⁶ Программа этого собрания, вышедшая тогда же на латинском языке, приведена Миллером, см.: Миллер Г.-Ф. История Академии наук. С. 548–549.

⁸⁷ Там же. С. 604.